

Никто не мог её уговорить. Тан Линъи помахала рукой, чтобы они ушли.

Они сидели вдвоём, спиной к усадьбе, лицом к лунному свету. Под красным фонарём на крыше их тени постепенно удлинялись на земле.

Чжэн Цзюньсинь обняла её, оперлась на её плечо. Как ребёнок, у которого отобрали танхулу, она была на грани слёз.

— А-Лин.

Тан Линъи сказала:

— Я здесь.

Чжэн Цзюньсинь смотрела на неё, глаза полные слёз.

— Сестра Чжияй бросила меня. Она снова бросила меня.

Колокольчики звенели, издавая раздражающий звук.

Тан Линъи положила голову ей на голову. Её голос был мягким, как журчание ручья, и в то же время похож на колыбельную, тихо напевая.

Маленький ребёнок!

Ты моя надежда, ты мой свет.

Мягкие ручки!

Схватили мою ладонь, подняли мой парус.

Маленькое тельце!

Будет моим будущим, даст мне дом.

Туаньтуань!

Пожалуйста, верь, я не хотела тебя бросать.

Но я хочу, чтобы ты выросла, поняла жизненные уроки.

Сладкое и горькое, позволь мне не быть с тобой.

Радость и печаль, ты должна справляться сама.

Туаньтуань!

Пожалуйста, верь, ты станешь лучше.

Мелодия песни была мягкой и элегантной, как будто мать выражала свои надежды на ребёнка, или представляла, как он вырастет.

Когда песня закончилась, голос Тан Линъи был холодным, но в песне она пела красиво и трогательно, передавая грусть.

Чжэн Цзюньсинь услышала своё имя в песне.

Такую простую песню она могла понять.

Тан Линъи закончила петь и, не слыша вокруг никаких звуков, сказала:

— Туаньтуань, эту песню мне пела мама, когда я была маленькой. Она говорила, что в этом мире никто не может быть с тобой до конца, всегда кто-то уходит первым. Но ты должна верить, что те, кто уходят, не перестают тебя любить и не бросают тебя. Просто у них есть более важные дела, и они обязательно вернуться к тебе.

Сказав это, Тан Линъи словно фокусник вытащила из-за пазухи две сахарные фигурки разной формы, яркие по цвету, но не очень красивые по форме.

Чжэн Цзюньсинь всё ещё была погружена в мелодию песни, но теперь её глаза пристально смотрели на Тан Линъи, словно пытались прожечь дыру в её лице.

Тан Линъи немного смутилась и сказала, что хотела сама сделать для неё танхулу, но не смогла, так как она слепая и не могла справиться с этим. Поэтому она научилась делать что-то другое — сахарные фигурки.

— Не знаю, понравится ли тебе.

— Я считаю, что рисую неплохо, могу показать другим. Но рисовать сахарным сиропом — это впервые, может быть, не очень красиво.

Чжэн Цзюньсинь взяла из её рук сахарную фигурку, рассматривая её. Она выглядела аккуратно, но было непонятно, кто это.

Ну, действительно, не очень красиво...

Но это сделала А-Лин, так что нельзя критиковать.

Нет, А-Лин сделала очень красиво. Кого это? Это наш Панпан?

Тан Линъи замерла.

«Моя сахарная фигурка не похожа на тебя? Я рисовала тебя».

— ...

— А, оказывается, А-Лин рисовала меня, а я подумала, что это Панпан. Я ошиблась. — Чжэн Цзюньсинь поспешно поправилась.

Но было уже поздно. Тан Линъи была в полном недоумении и хотела забрать сахарную фигурку и спрятать её за спину.

Её лицо покрылось румянцем.

— Если получилось некрасиво, значит, некрасиво. Не нужно меня утешать.

— Неважно, кого или что А-Лин нарисовала, мне всё равно нравится!

С этими словами она откусила кусочек сахарной фигурки. Сладкий сироп был слишком густым.

Тан Линъи, услышав, как она хрустит, подумала, что, наверное, всё не так плохо. Она спросила:

— Вкусно?

— Вкусно! — Чжэн Цзюньсинь, продолжая есть, ответила.

Тан Линъи, видя, как она с удовольствием ест, попросила её дать ей тоже попробовать.

Чжэн Цзюньсинь отказалась, спрятав сахарную фигурку за спину.

— Это А-Лин сделала для меня, значит, это моё. А-Лин не может есть моё.

Тан Линъи удивилась:

— Раньше мы ели танхулу вместе, почему тогда можно, а сейчас нет?

«Потому что это ты сделала сама. Это другое».

Чжэн Цзюньсинь чем больше отказывалась, тем больше Тан Линъи хотелось попробовать сахарную фигурку.

Тогда она притворилась, что крикнула:

— Сестра Чжуй!

Это заставило Чжэн Цзюньсинь обернуться, и в этот момент Тан Линъи схватила сахарную фигурку. Откусив кусочек, она почувствовала, как сладкий сироп растаял во рту, но был слишком приторным.

Тан Линъи нахмурилась и хотела выбросить сахарную фигурку.

— Эта сахарная фигурка не удалась, давай выбросим её, в следующий раз я сделаю что-то вкуснее. — С этими словами она уже собиралась действовать.

Чжэн Цзюньсинь тут же схватила её за руку, крепко держа ту, что собиралась отпустить сахарную фигурку. Она крепко обняла её, не отпуская.

— Это А-Лин сделала для меня, я обязательно съем её.

— Но она слишком сладкая.

Чжэн Цзюньсинь вырвала сахарную фигурку, отошла на несколько шагов и, защищая её, сказала:

— Мне нравится сладкое.

Тан Линъи сдалась и позвала её:

— Подойди. Я не буду отбирать у тебя сахарную фигурку.

Услышав это, Чжэн Цзюньсинь осторожно подошла и села рядом с Тан Линъи, но всё ещё смотрела с подозрением.

Тан Линъи снова повторила:

— Я не буду отбирать у тебя сахарную фигурку, в следующий раз сделаю что-то вкуснее, чтобы тебе не приходилось есть такое сладкое.

Чжэн Цзюньсинь с удовольствием ела сахарную фигурку, и за эти несколько часов её настроение успокоилось, она перестала заикливаться на уходе Лянь Чжуйю.

Пока она ела, она размышляла, когда же сможет снова увидеть её.

Чжэн Цзюньсинь вспомнила, что Тан Линъи что-то говорила. Она повернулась к ней и спросила:

— А-Лин, ты едешь в столицу? Когда ты отправляешься?

— В первый день месяца. — Ответила Тан Линъи.

Дожди прошли и ушли, и скоро наступил первый день месяца. Усадьба с утра уже начала собираться, большая повозка заранее остановилась у ворот усадьбы, ожидая.

Повозка была не очень большой, но внутри скрывалось много всего. Хунмэй сначала помогла Чжэн Цзюньсинь подняться, а затем помогла Тан Линъи, Чжэн Цзюньсинь протянула руку, чтобы помочь ей.

Увидев обстановку внутри, она была поражена. Снаружи повозка выглядела обычной, но внутри пол был устлан толстыми коврами, чистыми и аккуратными. На столе стояли различные закуски и еда. В углу повозки лежали лекарства, бинты и одеяла для сна. Всё было на месте, ничего не забыли.

Чжэн Цзюньсинь была в восторге, прыгнула на ковёр, покачиваясь. Затем Тан Линъи попрощалась со всеми и вошла в повозку. Хунмэй опустила занавески и умело села рядом с возницей.

Повозка медленно тронулась, направляясь в сторону столицы.

Они ехали несколько дней и ночей и, наконец, к вечеру добрались до места, остановившись в гостинице на ночь.

Когда они прибыли, в гостинице как раз было время ужина. Многие люди сидели в зале и ели. Когда Тан Линъи и Чжэн Цзюньсинь вошли, все взгляды устремились на них.

Они перед выходом немного переоделись, чтобы выглядеть как деревенские жители, поэтому не привлекали особого внимания.

Люди посмотрели на них несколько секунд, без интереса отвернулись и продолжили есть и разговаривать. Трое сели за стол и начали заказывать еду.

В гостинице также подавали кролика, но не было любимого острого кроличьей головы Чжэн Цзюньсинь. Тан Линъи, слушая, как Хунмэй читает меню, заказала для неё кролика с соусом. Заказав еду, они медленно ели, слушая разговоры вокруг.

Все обсуждали события последних дней.

Мужчина, похожий на студента, развернул веер и, делая важное лицо, помахал им пару раз, сказав:

— Слышал, что завтра новый чжуаньюань вернётся в родные края для расследования. Неужели он что-то сделал не так и разозлил императора? Он только недавно стал чжуаньюанем, а его уже отправили в деревню.

Другой мужчина, крепкого телосложения, возразил:

— Просто отправляют его набраться опыта. Убийство в далёкой деревне — не такое уж важное дело, через несколько дней он вернётся.

— Слышал, что раньше этим занимался канцлер, и он уже почти закончил расследование. Почему же снова отправляют нового чжуаньюаня? Неужели там что-то новое произошло?

<http://bllate.org/book/16867/1554333>